

Часть Первая

ИСТОРИСОСОВСКИЙ АСПЕКТ

*Et fumus patriae est dicitur
(PUBLIUS OVIDIUS NASO)**

Следует сразу оговориться, что многие исследователи не принимают нацию как понятие индивидуальное /в сопоставлении с другими народами/, как вообще не принимают любой коллектив в качестве субъекта. Например, русский религиозный философ Лев Шестов считал, что

"...идея души нации - чистейший и грубейший позитивизм... на земле и табуны лошадей, и стадо коров - тоже связаны общими интересами и общей жизнью..." /115, с.157/

Будем, однако, исходить из того, что между русскими, как и между немцами или евреями, гораздо больше общего, объединяющего в психологическом, историческом, культурном плане, чем между коровами. Есть и другое возражение, по которому между русским баринном и немецким бургомистром усматривается большая близость, нежели между тем же баринном и русским крестьянином. Но это уже классовые отличия, о которых здесь я не берусь рассуждать, приняв за исходную точку мнение того же Николая Лосского, который утверждал, что

"...каждое общественное целое, нация, государство и т.п., есть личность высшего порядка: в основе его есть душа". /47, с.238/

Итак, как уже говорилось, для России одним из важнейших вопросов, *negvus negum***, является отношение к собственно Западу и собственно Востоку. Сейчас, как и ранее, слышатся голоса, призывающие не мерить русский народ ни западной, ни восточной меркой: предлагается некий особый путь - уже пройденный в прошлом и открывающийся перед нами в будущем. Это заманчивая точка зрения, но тогда придется пересматривать физику /реально существующее пространство неизменно/ и географию /из существующих четырех сторон света по горизонтали есть только две/. Недаром Петр Чаадаев писал:

"Говорят про Россию, что она не принадлежит ни к Европе, ни к Азии, что это особый мир... Но надо еще доказать, что человечество, помимо двух своих сторон, определяемых словами - Запад и Восток, обладает еще и третьей стороной". /110, с.177/

Исходя из пограничного положения русского народа, попытаемся определить черты его характера как общности - пусть и особого типа, но несомненно тяготеющей к Европе. Сколько бы азиатчины мы ни нашли у русского, он все равно - рано или поздно - должен стать европейцем, да еще и смягчить европейский сухарь живым соком русской души.

§ 5. Интеллигенция и народ. Не случайно я допустил оговорку о баринном и крестьянине. Рассматривая народ как единое целое, мы все-таки должны помнить, что монолитом ни один народ никогда не был и не будет. Так и в России: после петровской революции дремотный пруд России всколыхнулся, но только на поверхности. По ней пошли круги, захватывая все большее пространство. Но на дне, меж камней и ила, почти ничего не происходило. Крестьянин реформ не почувствовал. В XIX веке пропасть между ним и образованным обществом стала, хоть и медленно, но сужаться. Большевицкая революция, сулившая каждой кухарке штурвал

* "Сладок и дым отечества" /лат./ - Публий Овидий Назон

** "нерв вещей", нечто самое существенное /лат./

управления государством, логически привела к тому, что верхушку общества стали составлять кухаркины дети, а нерасстрелянные и не сломленные лагерями аристократы превратились либо в лакеев /как бывший "граф" Алексей Николаевич Толстой/, либо в дворников /как Андрей Платонов/.

Исторически сложилось так, что вся диалектика русской мысли, вся эволюция интеллектуальной борьбы до прихода к власти большевиков были уделом лишь одного слоя общества - русской интеллигенции. Роли интеллигенции в истории России был посвящен один из самых резонансных сборников статей - вышедшие в 1909 году знаменитые "Вехи". Петр Струве, один из авторов сборника, отмечает уникальность феномена интеллигенции, незнакомого ни одной другой стране:

"Русская интеллигенция, как особая культурная категория, есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма в России русской интеллигенции не существовало, был только "образованный класс"... /91, с.151/

И далее, в той же статье "Интеллигенция и революция":

"Самый кризис социализма на Западе потому не выступает так ярко, что там нет интеллигенции. На Западе нет того чувствительного, которое представляет интеллигенция. Поэтому по России кризис социализма в идейном смысле должен ударить с большей силой, чем по другим странам". /Там же, с.152/

Ленин как-то упрекнул декабристов за то, что "страшно далеки они от народа". Русская интеллигенция, в том числе и сам Ленин, и его подручные, и просто рядовые интеллигенты в пенсне и с чеховскими бородами, были от народа еще дальше. Декабристы были помещиками: они знали, как выращивать пшеницу и рожь, они понимали язык своих крестьян; лже-чеховы же были от всего этого действительно "страшно далеки". Не случайно барин Иван Бунин злобно отмечает у интеллигента Константина Бальмонта полную чуждость в описаниях деревенской жизни: "страсть ушла, как отлетевший лунь" /пишет Бальмонт, не ведая, что лунь - птица вечерняя, седала, таинственно-тихая, медлительная и совершенно бесшумная - где уж тут "страсть"!/. В другом месте Бальмонт роняет: "подорожник весь в цвету" /это растение никогда не цветет!/.

Другой автор "Вех", Николай Бердяев, обвиняет революционизированную интеллигенцию в бездуховности ее религии, ибо, возведя народ /а с ним и свое собственное "героическое самопожертвование"/ в божественный чин, интеллигент отвернулся от Христа. Творчество, свобода, личность для него остались на бумаге. В статье, озаглавленной "Философская истина и интеллигентская правда" Бердяев пишет:

"...интересы распределения и уравнивания в сознании и чувствах русской интеллигенции всегда доминировали над интересами производства и творчества". /13, с.25/

"...интеллигенция наша дорожила свободой и исповедовала философию, в которой нет места для свободы, дорожила личностью и исповедовала философию, где нет места для личности". /Там же, с.40/

А Сергей Булгаков, укоряя интеллигенцию в догматическом религиозном легкомыслии, отмечает в статье "Героизм и подвижничество" чувство интеллигентской вины перед пролетариатом, т.е. даже не позавчерашним, а вчерашним крестьянством, с легкостью воспринявшим городской "атеизм":

"Русской интеллигенции свойственно также чувство виновности перед народом, это своего рода "социальное покаяние", конечно, не перед Богом..." /16, с.49/

"В русском атеизме больше всего поражает его догматизм, то, можно сказать, религиозное легкомыслие, с которым он принимается". /Там же, с.51/

Уже после большевистского переворота, когда все самые мрачные предсказания "Вех" сбылись, те же авторы выпустили еще один сборник статей - "De Profundis - Из глубины", в котором тот же Булгаков, теперь уже отец Сергей Булгаков, риторически вопрошает в статье "На пиру богов", имея в виду мерзости коммунизма:

"...что иное могло получиться, если образованный класс, вот эта самая интеллигенция, чуть не поголовно ушла из церкви и первым членом своего символа веры сделала безбожие, вторым - революцию, третьим - социализм?" /17, с.122/

Настаясь реакции на "Вехи", нельзя не упомянуть о том, что часть либеральной интеллигенции, ее вполне цивилизованное, умеренное крыло, почувствовала себя оскорбленной: ни безбожников, ни нигилистов, фанатически поклоняющихся народу, в этой среде не было. И вот, вслед за "Вехами", выходит сборник "Интеллигенция в России", авторами которого стали члены ЦК КДП /Конституционно-демократической партии - "кадеты"/, и деятели науки и культуры, близкие к партии кадетов. Сборник, хоть и не столь блестящий, как у оппонентов, был призван защитить то продуктивное, творческое, прогрессивное, чего не увидели "веховцы", рисуя свой портрет интеллигенции.

Но этот, несомненно, тоже выдающийся коллективный труд лишь оттенял крайности интеллигентского фанатизма и бесплодного самопожертвования, как показала в дальнейшем история. Не имея никаких антагонистических противоречий с кадетами, "веховцы" /среди которых, кстати, тоже были члены КДП/ впоследствии разделили с ними и тяготы эмиграции, и страницы одних и тех же парижских и берлинских изданий.

Чтобы еще раз убедиться, что "Вехи" не огульно "честили" всю русскую интеллигенцию, приведем из "веховской" статьи "Этика нигилизма", написанной Семеном Франком, следующее блестящее определение:

"...мы можем определить классического русского интеллигента как воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия". /103, с.178/

Русскую интеллигенцию - и экстремистскую, и умеренную - ждала тяжкая судьба. Появившись более двух веков назад, в силу общественно-политических условий и в силу своей же внутренней необходимости /сознательно! добровольно!/, она изначально обречена была носить на себе печать отщепенчества. Уже отмечалось, что Запад не знал и не знает такого феномена: там непонятны и немислимы антитезы "интеллигенция и народ", "интеллигенция и власть" и т.п. На европейские языки это слово не переводится, а пишется просто "intelligentsia" - калька с русского языка, ибо реалий в своей жизни европейцы к этому слову не видят. Ренессанс это латинское слово употреблял в значении "сущность ума", а заменить его словом "интеллектуалы" /intellektuels/ нельзя, т.к. это слово обозначает характер труда - не более того.

Интеллигенция прошла двухвековой путь непрерывного самоуничтожения: масоны Новиков и Радищев "закапывали" просветителей Татищева и Ломоносова, идеалисты Рылеев и Веневитинов "ставили крест" на масонах, социалисты Герцен и Чернышевский, а с ними реалист Белинский и нигилист Писарев обливали идеалистов, народники Михайловский и Короленко "упучивали" нигилистов, и в конце концов, на всех них изготовили общий прочный гроб большевики Ленин, Троцкий, Сталин и уже с ними.

Интересно, что в свою такую не очень теплую компанию интеллигенты приглашали далеко не всех; кроме уже названных имен, в их "заветном" списке, конечно, значатся Некрасов и Огарев, Добролюбов и Шевченко, и даже почему-то религиозно мыслящие Чаадаев и Соловьев /вероятно, из-за оппозиции правительству/. Но мы не найдем в этом списке ни барина Тургенева, ни славянофила Хомякова, ни почвенника Достоевского, ни анархиста Льва Толстого /хотя его учение интеллигенция восприняла легко и с радостью, в отличие от религиозных идей Чаадаева и Достоевского/.

Другой стоящий внимания факт - принцип формирования этой "не очень теплой компании". Основа - отнюдь не профессиональная: подавляющее большинство деятелей культуры, юристов, учителей, врачей и инженеров /до начала их "массового поточного выпуска"/ интеллигенцией не признавалось. После большевистского переворота все они даже внешне боялись походить на интеллигентов - сбрили чеховские бородки и сняли пенсне. В то же время интеллигентами могли считаться просвещенный ветеринар, акушерка, не очень пьяный рабочий, прыщавый телеграфист, читающий вояка-офицер, какой-нибудь письмоводитель и /о Боже!/ почитывающий серенькие брошюрки Тургенева грамотный крестьянин. Главное было - не профессия.

Главным был **И д е а л**, вполне заменяющий религию. Он распадался как бы на две составляющие со знаками "+" и "-": положительным идеалом служила "идейность", т.е. приверженность единственной идее - борьбе за "народное благо"; отрицательным идеалом служила "беспочвенность", т.е. отсутствие /и отрицание!/ каких бы то ни было корней, абсолютный отрыв от национального быта, национальной культуры, отрыв от религии, от государства, от класса, от общества.

Самоуничтожаясь и подвергаясь уничтожению как со стороны царского и коммунистического правительств, так и со стороны "мужичков" и "пролетариев" /первые орало: "бей нехристей!", второе - "а ну-ка, контра очкастая, к стенке!"/, интеллигенция никогда и ни у кого не вызвала сочувствия, кроме самой себя. При царизме "верхи" по-барски презирали ее, опасаясь лишь той искры, которую она могла бросить в народную "солому"; "низы" ее попросту не понимали. При большевиках "верхи" так же, по-барски, презирали ее и уже ничего не опасались, раз и навсегда обозвав ее "прослойкой"; "низы", уже считавшиеся "классом-гегемоном", соответственно относились к ней свысока и снисходительно.

Послереволюционная судьба интеллигенции трагична. Тех старорежимных "спецов", что были не способны к мимикрии, уже с 1918 года стали "пускать в расход", особенно преуспев в этом занятии в предвоенные годы. Более спокойных отправляли "перевоспитываться" на Соловки, в Сибирь и Магадан, в Казахстан и Норильск. Так они постепенно и повторили участь мамонтов.

Новая же /"рабоче-крестьянская"/ интеллигенция, по сути своей, таковой не является. Советское высшее образование не предполагает ни банатической веры в **Идеал**, ни крамольно-антисоветской "беспочвенности", а потому наши учителя, врачи, инженеры, юристы некультурны /и в быту - скажем, за столовым прибором, и по своей удаленности от искусства Боттичелли, Стравинского, Тарковского/, плохо образованны /и - что хуже - нелюбопытны!/, в конце концов, генетически неумны. Получая за свой труд в 2-3 раза меньше торговца или сантехника, они либо бросают свои "интеллигентские" профессии, либо смиренно и забито влачат жалкое существование, все так же далеки, и от власти, и от народа.

§ 65. Славянофильство и западничество. Наиболее ярко проблема "Восток-Запад" проявилась в противостоянии двух довольно устойчивых групп образованного русского общества - славянофилов и западников. Славянофильство зародилось еще при Пушкине, из кружка так называемых "любомудров" /т.е. философов/. Еще раньше, в анекдотической форме, оно проявлялось в деятельности президента Академии наук адмирала А. Шишкова по очистке русского языка от заимствованных слов /предлагалось выбросить из словаря "налоши" и "ипподром" и внести "мокроступы" и "ристаллише"/. Собственно, в стихийном виде, в народе, эта тенденция сохранялась весь XIX век: крестьяне называли широкую полотняную салфетку "ширинкой", а один из видов дорожной сумки - "злагалищем".

Но не лингвистические проблемы волновали славянофилов более всего. Можно выделить 7 тезисов, составляющих основу славянофильства. Вот они

1. У России - свой, особый путь развития, отличный от европейского.
2. Западная цивилизация /римско-католическая/ развращена узурпированной властью пап, а протестантская - низким практицизмом и либерализмом.
3. Основа России - православие, самодержавие и народность.
4. Петр Великий извратил истинные цели исторического развития страны.
5. Дальнейший путь России - всенародное объединение на фундаменте православной "соборности"; принятие под свое покровительство всех православных христиан: греков, сербов, македонцев, черногорцев, болгар и румын, а также славян-католиков: поляков, чехов, словаков, словенцев и хорватов; возвращение православному миру Константинополя /т.е. отнять у турок Стамбул/.
6. Во главе всего этого поистине титанического движения должны встать Русский Царь и Православная Церковь, чтобы вести славянские и прочие народы к новым горизонтам; не худо бы заодно покарать и нечестивого папу римского, но это не обязательно.
7. Сегодняшний день - борьба с "тлетворным влиянием Запада", особенно с социализмом и либерализмом, сплочение православного мира вокруг русского трона.

К славянофильству принадлежали весьма значительные силы: философы Алексей Хомяков, Иван Киреевский и Фриц Самарин, литераторы Сергей Аксаков и два его сына - Константин и Иван. В разное время сильное влияние славянофилов испытали поэты Федор Тютчев и граф Алексей Константинович Толстой, драматург Александр Островский и прозаик Николай Лесков, а также близкий друг Льва Толстого - Николай Страхов. К концу XIX века славянофильство стало вырождаться, получив экстремистские тенденции в писаниях Николая Данилевского и Константина Леонтьева.

Фактически самый главный упор славянофилы сделали на противопоставлении русского народа европейским. Родоначальник движения, И. Киреевский, прямо указывал на то, что западный человек

"...почти всегда доволен своим нравственным состоянием... Русский человек, напротив того, всегда живо чувствует свои недостатки, и чем выше восходит по лестнице нравственного развития, тем более требует от себя". /34, т. I, с. 216/

Прекрасный поэт Федор Тютчев срывается почти в блеф, грозя папе Римскому Пию IX:

"Еще страшней, еще неумолимей
И в наши дни - дни Божьего суда -
Свершится казнь в отступническом Риме
Над лженаместником Христа".
/"Ерусалим", 1864/

Тютчев предсказывает расширение границ России согласно пятому тезису славянофильства и перевод столицы из чуждого славянофилам Санкт-Петербурга в привычную по Иоанну Васильевичу и Алексею Михайловичу Москву; Сталин, как мы знаем, почти выполнил этот самый тезис, покрыв всех славян, румынов и венгров, и не успел прибрать к рукам только греков и Стамбул; еще ранее Ленин действительно перевел столицу в Москву.

"Дни настает борьбы и торжества,
Достигнет Русь завешанных границ,
И будет старая Москва
Новейшей из трех ее столиц".
/"Спиритическое предсказание", 1854/

К. Леонтьев и Н. Данилевский пошли еще дальше Тютчева. Леонтьев, например, в паническом страхе перед "нашествием" западного либерализма, готов обратиться за помощью к азиатам, при условии, конечно, сохранения православия и главенства русского царя: он считает, что либерализацию России можно предотвратить путем союза с мусульманским

Востоком и даже с Китаем. Леонтьев страстно призывает к военно-политической экспансии России на Ближнем Востоке как к средству превращения его в новый исторический центр христианского мира /с Константинополем во главе?/ - о, sancta simplicitas!*

Н. Данилевский развивает целую теорию культурно-исторических типов с целью доказать превосходство России и православия перед всеми прочими народами и конфессиями. Он выделяет 13 культурно-исторических типов, каждый из которых имеет одну или две из 4 основ /религиозная, культурная, политическая, научно-социально-экономическая/. Некоторые из этих 13 цивилизаций уже мертвы /египетская, греческая, римская/, другие до сих пор существуют /индийская, китайская/. Свою современность Данилевский видел как расцвет двухосновного /политико-научного/ типа, свойственного романо-германским народам Европы и Америки. Но ему на смену уже вот-вот придет наиболее полный, четырехосновный славянский тип, и ценности его цивилизации будет защищать огромная и мощная пан-славянская федерация, включающая в себя также такие неславянские народы, как греки, венгры, румыны и турки. Столицей этой супердержавы, будет, конечно, Константинополь, вождем, конечно, русский царь, а цементирующей основой - православная Церковь. Такой примитивный экспансионизм и шовинизм - черты, не свойственные изначальному славянофильству. Видел же еще И. Киреевский точки соприкосновения России и Запада:

"...любовь к образованности Европейской, равно как и любовь к нашей, обе совпадают в последней точке своего развития в одну любовь". /34, т.1, с.162/

Русское западничество представлено не менее громкими именами. Это мыслители и ученые, чуждые атеизму: Петр Чаадаев, Николай Станкевич, Тимофей Грановский и Борис Чичерин; Александр Герцен и Николай Огарев склонялись к умеренному социализму; Виссарион Белинский и два Николая - Чернышевский и Добролюбов - в разное время возглавляли атеистическую оппозицию в русской общественной и культурной жизни; сугубые материалисты Михаил Бакунин и Дмитрий Писарев олицетворяли собой русский экстремизм в виде анархизма и нигилизма соответственно.

Здесь даже невооруженным глазом видна крайняя пестрота картины: больших антагонистов, чем Чаадаев и Чернышевский, Чичерин и Писарев, трудно себе представить. Тем не менее они все были западниками, т.е. разделяли пять тезисов западничества:

1. Неудовлетворенность российской действительностью.
  2. Определенное влияние немецкой философии Гегеля и Шеллинга.
  3. Принятие западной модели развития в качестве примера для России /умеренные/ или восхищение конкретно европейскими революционными событиями 1830 и 1848 годов /революционеры/.
  4. Высокая оценка российских реформ - "дела рук Петровых".
  5. Осознание главной угрозы прогрессу в закреплении патриархальщины и пережитков старины, в византийском и даже азиатском мистицизме; критическое отношение к православию и религии вообще /революционеры/ или к казенному православию официальной Церкви /умеренные/.
- Как видим, общего все же немало.

Похоже, что первым русским "западником" был еще в XVI веке знаменитый оппонент Иоанна Грозного князь Андрей Курбский. В XVII веке осторожное западничество было характерно для таких высокопоставленных бояр, как князя Голицыны, Ордины-Нащокины. Первого "западника" на троне, Петра, боготворили в XVIII веке идейно воспитанные им просвети-

* о, святая простота! /лат./ - выражение, приписываемое Яну Гусу.

тели и масоны - от Ломоносова и Татищева до Радищева и Новикова, а затем, уже в веке XIX-м, их последователи, начиная с Пушкина. Петр Чаадаев, лишь чуть-чуть замаскировавшись оговоркой о "несовершенствах", вообще разглядел в Западе прообраз Царства Божия, до которого его родине еще очень и очень далеко:

"...несмотря на всю неполноту, несовершенство и порочность, присущие европейскому миру в его современной форме, нельзя отрицать, что Царство Божие до известной степени осуществлено в нем, ибо он содержит в себе начало бесконечного развития..." /112, с.53/

Западники полемизировали не только со славянофилами и носителями официальной идеологии, хотя это направление критики было, конечно, приоритетным: необходимо было во весь голос заявить о своем откровенно критическом отношении ко всему отжившему, косному, мешающему пробиваться слабым росткам прогресса - ко всему тому, что не позволяло русскому народу занять подобающее ему место в семье цивилизованных народов. Приходилось, однако, полемизировать и между собой. Эта полемика имела чаще всего не идейный, а методологический характер.

Чем, "умеренный" Борис Чичерин в письмах к Александру Герцену порицал его за неверные методы пропаганды свободы общественного мнения. Прямые герценовской критики он называет "желчными выходками", "не знающими меры шутками". Это, конечно, не так. Чичерин вызывает в обществе легкомысленное отношение к серьезнейшим политическим вопросам. Он пишет Герцену из Лондона, западно-общественно глумясь себе и себе подобным свободу "разумным, самообладанием, в сущности отрицавшие устои западной

Уже после прихода к власти большевиков все еще предпринимались попытки науповать некий третий, не западнический и не славянофильский, вариант развития России. Обидно, что этим неблагодарным делом занимался и такой выдающийся мыслитель русского зарубежья, как Георгий Федотов. Отказываясь видеть перспективы европейского пути развития, подтвержденные самим ходом истории, он в своей статье "Три столицы" /1926 г./ размышляет:

"В Москве нам угрожала опасность оторваться от вселенской жизни в гордом самодовлении /славянофильство - С.К./, в Петербурге - раствориться в романо-германской, т.е. латинской по своему корню, цивилизации /западничество - С.К./... Но истинный путь дан в Киеве: не латинство, не басурманство, а эллинизм".

198/

Какое эллинизм представлял себе Федотов? Роскошь храмов Византии? Ее громоздкую имперскую политическую систему? Жестокую борьбу за трон василевса с отравлениями, подкупами, заговорами? Думается, что такое византийское "эллинизм" ему не мыслилось. Эллладу Сократа, Солона и Фидия уже не возродить. Да и сама современная Греция - вполне процветающая западная страна, органически вошедшая в Европу, наряду с другими нациями ставшая частью супергосударства XXI века - Европейского Союза, в котором дух общности и христианские ценности победили "латинство". Так что - *tertium non datur**.

Были претензии к западничеству и до Федотова. Многие "веховцы", например, никак славянофилами не являясь, испытывали к славянофильству большую симпатию, нежели к западничеству. Один из них, Семен Франк, например, писал в статье "Из размышлений о русской революции", опубликованной в 1923 году:

"Поскольку русские "западники" оставались русскими, они заимствовали с Запада преимущественно радикальные и социалистические идеи, т.е. идеи, в сущности отрицавшие устои западной

* третьего не дано /лат./

культуры; и наоборот, поскольку они воспринимали положительные принципы западной культуры, например, католицизм или подлинный либерализм, они переставали быть русскими людьми". /105/

Франк откровенно воздвигает между Россией и Европой интеллектуальный "железный занавес": русский человек, чтобы остаться русским, оказывается, должен заимствовать с Запада только всякую гадость, к тому же самому Западу противную; возьми же он оттуда что-то ценное, отличное надобное, - ан глядь, он уж и не русский теперь!

А нельзя ли, не запираясь в распрекрасном русском тереме, чего так хотели славянофилы и "веховцы", позволить русскому человеку идти уже проторенной дорогой к ценностям мировой цивилизации - личной свободе, свободе труда и творчества, свободе мысли и ее изъяснения, политической демократии и экономическому процветанию, основанному на свободном соревновании, в котором победа обеспечивается лишь личными качествами каждого? Думается, что можно. Думается в надежде, что так и будет.

§ 7. Либерализм и марксизм. Западничество породило на русской почве два взаимоисключающих течения - либерализм и марксизм. Конечно, слово "породило" здесь - явная натяжка, так как и либерализм, и марксизм были порождениями именно европейской почвы, там они окончательно оформились и ко времени появления в России уже были вполне законченными системами. Русская интеллигенция лишь заимствовала их, как импортный товар, уплатив пошлину неприязни властей и непонимания народа. Однако и та, и другая идея были в России видоизменены, в некоторых деталях даже разительно отличаясь от своих западных образцов.

Либерализм /от лат. *liberatus* - свободный/ в классической форме есть такая система взглядов, которая предполагает прежде всего: 1/ личную свободу человека, ограниченную лишь рамками общечеловеческой морали /в отношениях с обществом/ и рамками закона /в отношениях с государством/; 2/ политическую свободу человека и всего общества в рамках конституции государства и 3/ экономическую свободу человека и всего общества на основе свободного предпринимательства, с минимальным вмешательством государства. Грубо говоря, это цивилизованный анархизм, исходящий из природного стремления личности к абсолютной свободе, однако ограниченный христианской этикой, категорическим императивом Канта и законодательством демократического государства. В мировой исторической и политической практике место либералов - несколько левее консерваторов и значительно правее социал-демократов.

Как система взглядов, либерализм стал проникать в Россию сразу вслед за своим оформлением на Западе, однако долгое время был лишь индивидуальным воззрением. Только с появлением кадетов - конституционных демократов, или Партии Народной Свободы - либерализм оформился организационно. В партию входили или были к ней близки многие яркие деятели начала XX века: Иван Петрункевич, председатель ЦК и депутат I-й Государственной Думы, Павел Милюков, историк и публицист, академик Михаил Ковалевский, юрист и социолог, Петр Струве, экономист и философ, Владимир Набоков, публицист, профессор Александр Изгоев, социолог, профессор Семен Франк, психолог и философ, академик Константин Арсеньев, публицист, профессор Николай Гредескул, юрист, академик Дмитрий Овсяннико-Куликовский, филолог, Михаил Туган-Барановский, экономист и историк, и другие видные деятели.

Исходной концептуальной идеей либерализма являлось эволюционно-реформистское развитие общества, т.е. такое развитие, при котором исключены революции и насилие - либерализм по самой сути своей антиреволюционен. Страны Европы, с конца XVIII века и до 1918 года сотрясанные революциями раз в десять-пятнадцать лет, с утверждением идеи либерализма /не либерализма в целом/ в качестве общественного принципа вот уже 85 лет не знают никаких революционных потрясений.